

Встреча через полвека

Category: Edebi makalalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Встреча через полвека ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

У кого нет старого, у того нет нового.

Так уж получилось: исколесив в журналистских скитаниях чуть не всю страну, я ни разу не смогла побывать в Средней Азии, в краях, которые по праву могу считать родными. Здесь в конце 20-х годов начиналась трудовая биография отца. Вчерашний рабфаковец со всем пылом молодости и энтузиазмом, свойственным людям того романтического времени, взялся он за дело, особо важное для народов, населявших здешние огромные просторы, – поиски воды. С группами гидрогеологов, отказавшись от привычного домашнего уюта, кочевал с семьей по безводным землям Туркмении, Киргизии, Казахстана. Во время одной из таких экспедиций, в юрте казаха-кочевника родилась я. Все, что успел отец за свою короткую, трагически оборвавшуюся жизнь, – его поиски, расчеты, гипотезы и мечты – именно здесь обрело реальность, воплотилось в разветвленной сети оросительных каналов и гидросистем, став пусть малой, но необходимой частицей труда многих людей.

Вот почему я так обрадовалась редакционному заданию, которое давало мне возможность встретиться с дорогими нашей семейной памяти местами, увидеть сегодняшний день Туркмении. С нетерпением и вполне понятным волнением готовилась к предстоящей встрече: в Ашхабаде мне надо было познакомиться с четверьмя братьями Каррыевыми, известными учеными, каждый из которых внес заметный вклад в науку.

Как ни привыкли мы к удивительным переменам в жизни народов нашей страны, тут было над чем поразмыслить. Семья ученых, физиков, математиков, филологов, а во втором поколении еще и многих других научных профессий – в Туркмении, где до революции, всего несколько десятилетий назад, грамотность населения составляла доли процента, где народ находился на грани вымирания!..

Я была убеждена, что встречу людей интересных и значительных. И не обманулась в своих ожиданиях. Но нашла и нечто большее – духовное родство, которое проявилось не только в общности взглядов, интересов, но и в схожести наших семейных биографий. Мы беседовали с братьями, как давно не видевшиеся близкие люди, то и дело обращаясь к общему прошлому, общим воспоминаниям.

Много говорили, например, о проблемах Большой воды в республике. Во время одного такого разговора делюсь с Каррыевыми тем, что думал по этому поводу мой отец, что узнала и вычитала из его рабочих тетрадей. А братья рассказывают о своем отце, Атали Каррыеве, крестьянине-виноградаре и первом в их ауле народном депутате, для которого проблемы воды, орошения родных земель всегда были делом и государственным, и глубоко личным.

В одной из сказок моего детства (храню ее в памяти потому, что мать слышала ее от отца и потом пересказывала нам) говорилось о том, как страстно мечтали туркмены о воде, какие подвиги совершали герои, чтобы добыть ее для людей. Старший из братьев, Баймухамед Аталиевич берет с полки книгу и протягивает мне – вот она, та самая запомнившаяся мне сказка. Он записал ее в одном из аулов во время своих фольклорных экспедиций. Может, там же слышал ее и мой отец...

С интересом рассматриваю семейный архив Каррыевых. Братья показывают портрет матери – Гурджемал, рассказывают о ее необычной судьбе. На старой фотографии – прекрасное даже на склоне лет лицо, в котором пленительная женственность сочетается с властной силой незаурядной натуры. И вижу в нем другие знакомые черты – моей матери, которая тоже прожила нелегкую жизнь и, как Гурджемал, посвятила ее детям.

Обращаю внимание на множество свидетельств и дипломов на имя Баймухамеда Аталиевича – об окончании курсов медиков, телеграфистов, бухгалтеров, переводчиков, трех факультетов Ашхабадского пединститута, первого вуза Туркмении. Все эти специальности, объясняет старший брат, были тогда очень нужны республике. Все казалось таким заманчивым, и он спешил везде успеть. Мой отец совмещал учебу в МВТУ с занятиями в

аэроклубе, фотографией, дирижировал оркестром...

Позднее выяснилось, что не случайно лицо младшего из братьев – Сеида Аталиевича – показалось мне знакомым: в Московском университете, в середине 50-х, я слушала его курс лекций по истории туркменской литературы.

Мы говорим о детях, о завтрашнем дне страны и республики. И снова отчетливо проступает связь времен. Ведь нынешние достижения Советской страны были бы немыслимы без подвига первопроходцев, к поколению которых принадлежали и наши отцы: сегодняшняя явь – это одновременно и будущее, то самое, о котором они мечтали, во имя которого жили и трудились. Братья вспоминают, как время от времени приезжал старый Атали из аула в Ашхабад – проведать детей, привезти домашних гостинцев, узнать, как идет учеба. И всякий раз они отправлялись с ним бродить по городу, с гордостью показывали ему новое. Отец внимательно все осматривал, радовался вместе с сыновьями. А потом вел их своим маршрутом – по окраинам, по тесным улочкам старого города. И неизменно повторял: «Чтобы лучше видеть впереди, почаще оглядывайтесь назад».

Подвиг ГУРДЖЕМАЛ

Ум силу дает, сила смелостью наделает.

Сила жизни щедрее проявляется там, где больше преград на ее пути. Прекрасный цветок расцветает подчас в диком, неприступном месте. В трудные времена, в лихие годы рождаются в народе яркие таланты. Гурджемал, мать моих героев, – тот самый цветок, тот самый талант, что пробивается к свету один на тысячу. Жадно впитывала она с малых лет – и глазами и душой – окружавшую ее красоту. И ту, что царила в родном доме, где в руках отца и братьев, сельских ювелиров, обретала прекрасные формы их творческая фантазия, рождались произведения искусства. И ту, что открывалась внимательному взору вокруг, – величавость синеющих на горизонте гор, безбрежность пустыни, зеленая сказка весеннего аула. И ту, что всегда живет в людях, в их труде и мечтах, в доброте сердец, в законах дружбы и братства.

Неукротимая любознательность и рано сформировавшийся сильный характер привели девочку Гурджемал в дом, где мулла занимался с мальчиками из богатых семей. Испуганно-любопытные взгляды подростков и гнев побелевшего от ярости муллы встретили ее – как посмела? Но он не выгнал ее. Может быть, потому, что побаивался ее отца и братьев и полагал, что не сама же девчонка отважилась на такое, наверняка с ведома старших. Не выгнал он ее и в следующий раз, и в третий, и в четвертый. Но теперь уже потому, что был изумлен ее познаниями. Гурджемал знала наизусть большие куски из Корана, красиво их декламировала.

Потом у нее было много учителей, Народные сказители, купцы, бывалые люди, всякий знающий человек находили радушный прием в доме ее отца. Девочка внимательно слушала их рассказы, расспрашивала так заинтересованно, что некоторые гости охотно давали уроки любознательной дочке хозяина, дарили ей книги. Книги привозили с базара и родители.

Так, вопреки судьбе, которая была уготована туркменке законами шариата, в условиях, когда сама мысль об учебе для девочки была кощунством, Гурджемал стала одной из очень немногих грамотных женщин в дореволюционной Туркмении. И даже хорошо образованной по тем временам: в совершенстве владела фарси и неплохо знала арабский, была знакома с восточной классикой и туркменским фольклором. С какой-то одержимостью тянулась она к знаниям, пренебрегая предрассудками, преодолевая преграды. Эта духовная жажда Гурджемал передалась ее детям. И каждый из них последовал жизненному примеру, главному завету матери – быть на земле тружеником, упорно и страстно добиваться поставленной цели.

Да, судьбу Гурджемал можно назвать исключительной. Но в ней видится и то, что всегда было заложено в самом характере туркменской женщины, чья покорность была во многом внешней: уступая в малом, самые сильные из них не покорялись в главном. Туркменку лишали права выбрать друга и спутника жизни, продавали, как вещь, тому, кто больше заплатит. Но она почти всегда оставляла за собой право нравственного выбора, искала и находила разные формы борьбы и протеста. То, чего была лишена

сама, старалась дать детям, в них проявляя и утверждая свою личность.

Гурджемал тоже готовилась к этому неизбежному в прошлом для туркменки поединку с судьбой. Только рано овдовела. А во втором муже – Атали Каррыеве неожиданно для себя встретила отнюдь не противника, как предполагала, а единомышленника. Он тоже был одержим жадой познания. Единство устремлений и интересов определило их дружбу, переросшую в любовь.

ШКОЛА АТАЛИ

Отдашь – получишь, посеешь – пожнешь.

В ауле Геокча, примостившемся у подножия гор, Атали Каррыев слыл человеком чудаковатым, не от мира сего. Умел читать, знал Коран, но ни в муфтии, ни в старшины не лез. Все толковал о пользе знания, водил дружбу с русскими из города. После сбора винограда Атали обычно оставлял свое хозяйство и отправлялся в далекий путь – повидать новые места, послушать умных и бывалых людей, познакомиться с иной жизнью, нравами и обычаями других народов. Не изменил он этой привычке и после женитьбы. Вернувшись из очередного странствия, рассказывал об увиденном и услышанном жене, детям, соседям. И все чаще приходил к выводу: каким бы богам ни молились в других краях, сколь разными ни были обычаи, одежда, язык, – везде трудно жить простому человеку.

Гурджемал тоже принимала участие в этих общих беседах и спорах. Делилась тем, что узнавала из книг и от людей, – давала таким образом первые уроки детям и тактично продолжала образование мужа. Отец преподавал юным душам суровую школу жизни, мать вводила их в прекрасный мир древних легенд и сказаний, народной поэзии. Вечерами в доме часто читали стихи восточных поэтов. За списки старинных книг Атали нередко отдавал то, что приберегалось на хлеб и одежду.

Долгие годы вынашивал Атали мечту – открыть в ауле школу. Но осуществилась она лишь с приходом Советской власти. До сих пор в семье хранится как главная реликвия мандат, выданный депутату Асхабадского (таким было старое правописание) Совета

Атали Каррыеву, который давал широкие права – проводить именем Советской власти мероприятия «во имя торжества революционных идей». Атали начал с главного – с открытия в Геокче обще-образовательной школы. Отдал под нее свой новый кирпичный дом, переселившись с семьей в старую глинобитную мазанку. Привез из города учителей, по рекомендации своих давних знакомых, супругов Ивановых, которым во многом был обязан и грамотой, и пробуждением классового чувства.

Иногда Атали и Гурджемал тоже давали уроки в этой школе, только уроки особого рода. Атали устраивал что-то вроде маленьких митингов для аульских ребятишек – страстно убеждал их овладевать знаниями, объяснял, что без этого нельзя построить новую жизнь. Гурджемал рассказывала сказки, читала стихи, пробуждая в детях любовь к родному языку, учила понимать прекрасное, различать добро и зло. Среди первых учеников школы был старший сын Каррыевых – Баймухамед, а потом и остальные дети прошли через нее. Отсюда и пошла династия ученых Каррыевых.

Сейчас в Геокче две средние школы, в которых преподают более 20 педагогов. Но место, где стоял когда-то дом Каррыевых, до сих пор так и зовут – школа Атали-ага, или «Аталиева школа».

САМЫЙ БОГАТЫЙ ЗОЛОТО– не богатство, наука – клад. [/i]

Много детей было у Каррыевых, но выжили лишь шестеро – две дочери и четыре сына. Старший сын появился на свет в трудное время – в 1914-м. Все, о чем мечтали для своего мальчика, вложили Гурджемал и Атали в его имя – Баймухамед, что в переводе означает богатый, почитаемый. Только обо всем этом у них было свое понятие. Позже, радуясь за судьбу сыновей и дочерей, Атали скажет: «Наши дети богаты – они учатся в школе». И повторит снова, когда получившие образование сыновья станут преподавателями: «Дети стали еще богаче – они учат в школе». Но главная мера богатства человека – так понимают это все Каррыевы, так с самых ранних лет внушали им мать и отец – это мера его щедрости.

Что ж, значит, Баймухамед сказочно богат. Богат тем, что

сделал для людей в науке и в жизни. Академик Академии наук Туркменской ССР, доктор филологических наук, профессор, крупнейший специалист по восточному фольклору, исследователь творчества поэта Махтумкули, автор более 200 работ, ученый, научный авторитет которого признан не только в нашей стране, но и за рубежом... И это далеко не все, чем знаменит Баймухамед Аталиевич.

Он – один из создателей современного туркменского алфавита и национальной письменности. И первый, кто собрал и записал на родном языке бесценное наследство предшествующих поколений – эпические поэмы, сказки, пословицы и другие произведения устного народного творчества. Только пословиц и поговорок, в которых отражены душа и характер туркменского народа, его нравственные идеалы, в коллекции Каррыева около пяти тысяч (некоторые из них сопровождают мой рассказ о Каррыевых).

Не меньше труда вложил Каррыев-старший в создание объемных (300 печатных листов!) текстологических, орфографических словарей – туркменско-русских и русско-туркменских, открыв тем самым своим землякам путь к русскому языку и русской культуре. Он один из первых познакомил их с русской классикой – его переводы остаются в числе лучших. Так откликнулся молодой ученый на насущные потребности народа, который поглощал новые знания с такой же ненасытностью, с какой сухой песок впитывает воду.

Сегодняшний Институт языка и литературы АН Туркменской ССР – тоже во многом детище Баймухамеда Аталиевича: он был в числе его основателей, несколько лет возглавлял этот научный коллектив. У него сотни учеников и в республике, и за ее пределами. За 40 с лишним лет его активной научной и педагогической деятельности возникла «каррыевская школа».

Из такой богатой жизни трудно вычленить что-то главное, ибо в ней одно невозможно без другого – так все цельно, гармонично, взаимосвязано.

У Баймухамеда Аталиевича очень располагающая внешность. Массивная, представительная фигура – и плавная мягкость жестов, движений. Умный, пронизательный взгляд – и доверчивая, почти детская улыбка. А ведь жизнь его была совсем не-легкой,

не только радости творчества знал он. Не раз она подвергала испытаниям его характер и душевные силы. В августе сорок восьмого в страшном землетрясении погибла вся его семья – жена и пятеро детей. Исчезли многие рукописи, наброски, годами собиравшиеся материалы. Но он нашел в себе силы все начать сначала. Помогли крепкие родительские корни и сознание своего человеческого долга. Ведь так много дали ему родители и Родина – он должен, обязан был вернуться к жизни, чтобы вернуть все сторицей.

... Три раза в неделю первокурсникам факультета туркменской филологии Туркменского университета читает лекции по фольклору академик Каррыев. Ведет он несколько спецкурсов, принимает у выпускников государственные экзамены, консультирует коллег. Не слишком ли это расточительно, подумалось мне сначала. Ведь годы берут свое и болезни мстят за неумение беречься. Врачи давно приговорили его к постельному режиму. Ему трудно ходить, стоять, каждый шаг отзывается болью. Но когда увидела, как слушает Каррыева его аудитория, как волной живого интереса отзывается на каждое его слово, как на глазах молодеет он сам, приобщаясь к этой юной восторженности, сомнения мои рассеялись. Он изменил бы своему долгу ученого и коммуниста, самому себе, заветам матери и отца, трудившимся до последнего вздоха, если бы стал жить иначе.

[b]ЭКЗАМЕН – вся жизнь

Легко стать ученым, труднее – человеком.

Второй брат – Нури – ровесник Великого Октября. Конечно, когда давали ему имя родители (Нури в переводе – светлый, светозарный), они не знали еще, что революция принесет и в его жизнь, и в их семью особый свет. Вряд ли имели они представление и о предмете его будущих занятий, его теперешней профессии. Нури – физик. Впрочем, как и всех в этой семье, его увлекала и филология. Он с детства прекрасно понимал и чувствовал слово, а это не такой уж частый дар. Нури блестяще, как говорят специалисты, перевел на туркменский «Слово о полку Игореве», до сих пор увлекается переводами на родной язык

любимых произведений Пушкина, Лермонтова. Если бы выбрал филологию – мог бы поспорить со старшим братом. Но однажды он понял: не нужно догонять старшего, тянуться за ним. Надо найти свой путь и свой отмер высот. И он выбрал физику.

Долго и трудно шел Нури к своей главной цели. Наверное, именно сочетание одаренности с редкостным трудолюбием и упорством, поэтичности натуры с логическим складом ума и привлекло академика А. Ф. Иоффе, когда по рекомендации своего московского коллеги принимал он в ученики молодого аспиранта из Туркмении.

Ленинградский период своей жизни Нури Аталиевич вспоминает как один из самых светлых и счастливых. То было для него время дерзновенных и мучительных поисков. А итог? В декабре 1972 года на заседании Комитета по делам открытий и изобретений при Совете Министров СССР кандидату физико-математических наук Н. А. Каррыеву был вручен диплом за участие в открытии экситонов – одной из составляющих мира квантов. Открытие такого масштаба редко выпадает и маститым ученым.

Сейчас Нури Аталиевич – доцент кафедры физики Ашхабадского политехнического института. В одной из наших бесед он несколько неожиданно, но с предельной искренностью признался, что переключился на преподавательскую деятельность, когда понял: главная его вершина позади. И взялся за дело, в котором может быть максимально полезен.

Впрочем, столь открыт он не часто, обычно молчалив, держится скромно, как бы в стороне. Только вдруг стрельнет из-под очков испытующе-дерзким взглядом, вставит словно между делом колюче-ироническую фразу – и понимаешь, что не так прост этот человек, как может показаться с первого взгляда, что и в нем горят, пробиваясь сквозь внешнюю сдержанность, свойственные всем Каррыевым одержимость и творческий темперамент.

В этой неприметности, в которую постоянно прячется Нури, не только природная его скромность и традиционное в туркменских семьях уважение к старшим, к гостям, но и определенная жизненная позиция, умение поступиться личным ради общего. Братья рассказывали мне, как в трудное для семьи время Нури взял на свои плечи самый большой груз общих лишений и забот.

Расстался с Москвой, когда понял, что он нужнее в родном городе. И каждая его лекция – тоже страстная самоотдача. Как он счастлив, когда видит, что мысль его, словно эхо, многократно повторяется в молодых умах, как искра зажигает новый огонь.

Родоначальник ветви физиков в семье, Нури Аталиевич положил начало еще одной традиции. Он первый среди Каррыевых женился в Ленинграде на русской – учительнице Тамаре Васильевне. Теперь многие Каррыевы, в том числе и его собственные дети, эту традицию продолжают.

УЧИТЕЛЬ УЧИТЕЛЕЙ

Ученый сын – старше отца.

Я узнала, что один из братьев Каррыевых недавно скончался, и все думала: как же начать разговор о нем, чтобы не причинить боли родным. Но он как бы сам вошел в нашу беседу. То и дело я слышала: «Помнишь, как Аба...», «Клянусь моим уважением к Аба...», «Аба сразу понял бы», «Аба научил», «Это его, Аба, заслуга». А с портрета он смотрел на нас счастливым и веселым взглядом.

Вообще-то его имя не Аба, а как у отца – Атали. Но в обиходе по обычаю сына не зовут именем отца, а, обращаясь к нему, называют Аба, что значит почитаемый, старший. Потом у третьего брата появилось еще одно имя – Учитель. Не имя даже, а скорее звание, особо уважаемое в доме Каррыевых. В нем – признание того, что Аба – главный продолжатель педагогической традиции в их семье и что в избранном деле он поднялся до самого высокого уровня.

Он избрал своей специальностью математику, но и его не обошло семейное увлечение филологией, народным творчеством. В написанных им для школьников книжках «Буквенный счет» и «Математическая шкатулка» (последнюю он писал вместе с дочерью Алтын, тоже математиком) оригинально переплетены математика и фольклор. И сегодня ученики Аба – уже сами опытные учителя – с восторгом вспоминают его уроки, на которых он учил их мыслить, будоражил юные умы неожиданными образами и сравнениями. Свои взгляды на педагогику и богатый опыт Аба обобщил в

кандидатской диссертации. Несколько лет руководил он Чарджоуским отделом народного образования, был проректором Ташкентского педагогического института. И везде оставил о себе добрую память как способный организатор, блестящий педагог, инте-ресный человек.

Один из старожилов аула Геокча, узнав о смерти Аба, сказал: «На все воля Аллаха!», подытожив общие сетования почтенных старцев по поводу несправедливости судьбы, которая подчас отнимает жизнь у молодых и сильных, каким был их земляк (ведь ему было всего лишь 58!). Но потом добавил: «Уж не знаю, как на небе, – он ведь безбожник! – а здесь, в родном ауле, на земле отцов, Аба будет жить вечно!»

Что верно – то верно. В одной лишь семье Карриевых дело Аба-Учителя продолжают почти два десятка племянников и других родственников. А в скольких еще сердцах воспитал он любовь к педагогической работе! Аба намного превзошел даже самые смелые мечты отца, старого Атали, создавшего в Геокче первую школу. Что ж, ему выпало жить в другое время – в советское, ему было больше дано, и он успел больше...

ЧЕТВЕРТАЯ ВЫСОТА

Когда ученики не обгоняют учителей, ремесло начинает чахнуть.

Трудно быть четвертым в династии, где старшие – люди незаурядные, достигли – каждый в своей области – больших высот, а от тебя ждут еще большего. Сеид Аталиевич считает, что такой его взлет еще впереди. Возможно, если судить по его обширным творческим данным. Но и сегодня он уже вровень с братьями и ему есть чем гордиться.

Атали Карриев в детях своих с малых лет воспитывал глубокое уважение к культуре и традициям других народов. Говорил, что нужно изучать все лучшее, что есть у них, что-то перенимать. Преклонялся перед русской культурой: «За русским народом и за Советской властью – самая большая правда, самое большое знание. Будете знать русский – крылья и силу обретете, станут вам доступны все богатства культуры, новой жизни».

И братья выполняли этот завет отца. А четвертый – Сеид

(мудрый, ученый) стал и страстным его пропагандистом. Он учился и работал в Москве и уже тогда, в большом интернациональном коллективе Московского университета, познал плодотворность братской дружбы народов, совместного труда. В своей докторской диссертации, защищенной в 1966 году, он раскрыл взаимосвязь туркменской литературы и литератур других среднеазиатских республик. И сегодня, создавая вместе с большим научным коллективом уникальный труд – шеститомную историю туркменской литературы, он стремится показать великую жизненную силу такого сотрудничества и взаимного обогащения.

Профессор С. А. Каррыев заведует сектором взаимосвязей братских литератур Института языка и литературы АН Туркменской ССР. Он – представитель более молодого, чем его братья, поколения в науке – систематизирует, осмысливает то, что собирали его предшественники, в том числе и его старший брат, ищет пути активного использования этого богатства в мировоззренческом, нравственном, эстетическом воспитании народа. Участвует в решении больших комплексных задач, трудится с коллективом и в коллективе.

Мы сидим в кабинете Каррыева-младшего, и даже внешняя обстановка здесь говорит о современном типе ученого. В шкафах – книги на многих языках, на столе – зарубежные журналы, солидная пачка писем и деловых бумаг, целая стена с рядами ящиков-каталогов, фотографии, запечатлевшие Сеида Аталиевича и его коллег по институту на международных симпозиумах. Помимо огромной научной загруженности, у Сеида Аталиевича более десятка ответственных общественных поручений, и рабочий день его наполнен встречами, общением со многими людьми. Он сдержан, элегантен, коммуникабелен, умеет ценить время, отлично владеет искусством деловой беседы, горячо, как братья, отстаивать свою точку зрения, удивляя собеседника и обширными познаниями, и логической четкостью, и страстной убежденностью. Он, как и его братья, может гордиться и детьми, и учениками. И по всегдашнему своему стремлению отдавать все, чем владеешь, он тоже – педагог. Как братья, как отец...

ФАМИЛИЯ ОБЯЗЫВАЕТ

Дети – мощь родителей.

В один из вечеров мы с братьями пытались сосчитать, сколько же их сегодня, Каррыевых, но то и дело сбивались со счета. Ведь только детей братьев и их старших сестер около сорока человек, а у многих из них теперь уже свои дети. Влились в семью и узбеки, и русские, и каракалпаки. Насчитали почти 20 кандидатов наук. Есть среди Каррыевых министры, партийные и комсомольские работники, врачи, инженеры, физики, математики, лингвисты, биологи, географы... Но больше всего учителей. Всякого ранга – от школьного учителя до профессора. Добрые всходы дала школа Атали.

Всех их увидеть, конечно, я не смогла. И не только из-за недостатка времени. Разлетелись многие из родного гнезда, живут и трудятся в разных концах страны. Но с некоторыми из «наследников» все же познакомилась. Та же, что у сыновей Атали, неуспокоенность, трудолюбие, человечность, стремление больше успеть и больше отдать.

В доме Баймухамеда хозяйничает одна из его младших дочерей – Лина. После того как год назад умерла ее мать, заботы о семье, об отце, воспитание четырех младших – все легло на ее плечи. Конечно, помогают и старшие, редкий день не забегают в родной дом. Но все основные хлопоты – на ней. А она – студентка университета, учится на третьем курсе факультета иностранных языков. Однако ни разу я не видела Лину усталой, раздраженной или небрежно одетой. Стройная, легкая, гибкая, как тростиночка, с неизменной улыбкой порхала она по дому, успевая угощать гостей и занимать их разговором, заказать по телефону в университетской библиотеке книги, отправить одного из мальчиков в магазин, другому объяснить решение задачи.

Отец протянул ей конверт с иностранным штемпелем:

– Переведи-ка, Лина, я не все понял.

Лина морщит лоб, пробегает письмо и чуть нараспев переводит текст приглашения из Турции: Каррыева-старшего приглашают принять участие в международном конгрессе специалистов по восточному эпосу. Потом вдруг улыбается – понимает, что отец все сам понял и просто проверяет ее, все еще опекает, как

девочку. Но на вопросы отца отвечает подчеркнуто почтительно.

– Как прошел зачет?

– Нормально.

– Тобой остались довольны?

– Да.

– Вопросы задавали?

Лине не выдерживает роли послушной девочки:

– Задавали. Спрашивали, не родственник ли мне академик Карриев

– тот, что преподает в университете.

Баймухамед и польщен и встревожен:

– Ну а ты?

– Отец, говорю, он мне. Да не хмурься ты! Зачет она мне поставила еще до того, как спросила об этом. А еще сказала, что я настоящая дочь своего отца. И пословицу даже привела, мол, львица льва достойна.

БИОГРАФИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Роет арык один человек, а тысяча из него пьет.

... Последний вечер в Ашхабаде. Только что говорила с Москвой. Голос дочки звучит так, словно мы в одной комнате, а не разделены тремя тысячами километров. И добраться до дому мне совсем не сложно – всего три часа с небольшим на самолете. Брожу по уже ставшим знакомыми улицам, стараюсь все получше запомнить. Великолепное современное здание республиканской библиотеки приветливо светится окнами. Ярко освещены подъезды театров, стеклянные кубы кинотеатров. Читаю светящиеся лозунги над зданиями Академии наук, министерств, институтов, телеграфного агентства, бегущие строчки световой рекламы.

Девушки в нарядных ярких платьях, и с традиционными косами, и с модными прическами. Современно одетые щеголеватые юноши. Молодая разноголосая толпа. Я встречала их каждое утро, когда спешили они на заводы, фабрики, в вузы. По сути, ведь и они – наследники Карриевых. Внимательно вглядываюсь в их лица. Красивые и счастливые люди, уверенные в себе, в своем завтрашнем дне, предупредительные и приветливые. Они любят свой Ашхабад, гордятся им, восставшим из руин после

землетрясения. Но воспринимают все вокруг иначе, чем я, – без особых эмоций, как обыкновенную действительность, в которой выросли, к приметам которой привыкли.

Приходят на память слова, прозвучавшие с трибуны недавнего партийного съезда: отсталых национальных окраин у нас в стране ныне не существует, идет благотворный процесс расцвета и взаимообогащения национальных культур, становления культуры новой социальной и интернациональной общности – единого советского народа. К этому огромному достижению советского строя, к сегодняшнему духовному богатству нашего народа, ко всему, чему радовалась, чем восхищалась в этой встрече с Туркменией, лично причастны и герои этого очерка – братья Каррыевы.

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР

Этот номер журнала был уже в типографии, а производстве, когда пришла горькая весть из Ашхабада: скончался академик Баймухамед Аталиевич Каррыев.

Принося глубокие соболезнования по поводу этой безвременной кончины родным, близким, коллегам и ученикам Каррыева-старшего, мы верим: память об этом замечательном сыне Туркмении навсегда сохранится в сердцах всех, кто знал Баймухамеда Аталиевича, работал с ним, и тех, кто впервые познакомился с ним, с династией Каррыевых на страницах нашего журнала.

Н. АДРИАНОВА.

»Наука и Религия», № 8, 1981 г. Edebi makalalar